

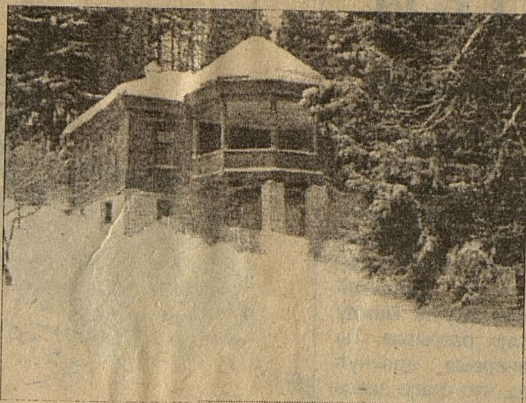
«Русская мысль» — Париж. — 1998

19-25 февр. — с. 11

Дневники писателя

В феврале исполняется 125 лет со дня рождения Михаила Михайловича Пришвина, автора «Кладовой солнца» и множества замечательных рассказов о русской природе.

В Подмосковье, под Звенигородом, в деревне Дунино, находится дом-музей писателя, в котором он прожил восемь последних лет своей жизни. Небольшой дачный дом Михаила Пришвина сегодня ра-

Дом Пришвина в Дунино.

зыхать непросто: со всех сторон он окружен правительственными дачами. Но когда попадаешь за калитку, взору предстает совершенно иной мир. Мир, в котором время остановилось в 40-50-х годах: русская зима, усадебный домик и вещи, принадлежащие писателю. Этот дом Пришвин купил в первую послевоенную весну, отремонтировал его; жена писателя Валерия Дмитриевна разбила сад. Пришвин считал этот дом самым счастливым в своей жизни, потому что к каждой вещи в нем прикасались руки любимого им человека.

Встречу с Валерией Дмитриевной, с Лялей, как он ее называл, Пришвин считал своей огромной удачей. Когда они встретились, ему было 67 лет, ей — 40. Валерия Дмитриевна стала его женой, помощницей, ангелом-хранителем. «Ценой всей жизни, — говорил Михаил Михайлович, — я накопил себе Лялю».

После смерти писателя Валерия

в семь-восемь обхватов. «Фантазия, — скажет, — нашли у нас вековые деревья!» Нет ничего у нас и быть никогда ничего не может — вот его бытие. А старуха ходит Богу молиться, и там, на божественном поле, свое заводится, не имеющее ничего общего с видимым миром. Попы и монахи между тем продолжали существовать и создавать некоторую видимость быта. Мало того, люди высоких душевных достоинств продолжали рождаться и быть тут же, принимая внешнюю форму окружающей среды».

В 1972 году Александр Солженицын предлагал вдове писателя напечатать дневники за границей, но она отказалась, выполнив волю автора публиковать эти записки только на родине. Пришвинские дневники не поразят читателя ужасами революций или сталинских времен, хотя автор описывал проходившую перед его глазами жизнь страны

М.М.Пришвин с женой Валерией Дмитриевной на даче.

Дмитриевна стала хранительницей его творческого наследия. Она берегла каждую вещь, принадлежащую Пришвину, приводила в порядок его архивы; особенно беспокоилась она о сохранности дневников, которые он вел начиная с 1914 года и до конца своей жизни. Выхода дневников в свет Пришвин так и не увидел да и не ждал увидеть, поскольку результатом такой публикации мог быть только лагерь.

9 января 1920 г. Эмигранты, дезертиры и уголовные — вот три социальные элемента революции: нужны были особые условия для отвлеченной мысли, чтобы русский интеллигент подал руку уголовному (Семашко: «переступил»).

И вот поднялась бездна.

А в нашем краю и помещиков-то не было настоящих, так, жили кой-кто, жили, доживали, проживали, и на них обрушилась масса, как на помещиков. Да не было и буржуазии. Ничего не было такого общего, как в других странах или даже в других губерниях, был у нас несомненно «чиж паленый», существо которого состоит в том, что он жил оседло и все вокруг себя (конечно, по сравнению с чем-то «настоящим») глубоко презирал. Бывало, скажешь, что вот там-то в имении есть удивительной работы мебель красного дерева, а он усмехается. «Вы чему усмехаетесь?» — «Нашел, — ответит, — у нас мебель, какая у нас мебель!» Или приедешь и начнешь говорить о вековом дереве в усадьбе Х.,

вполне объективно, пытаюсь понять смысл революции и будущее своей родины.

После перестройки фрагменты дневниковых записей, относящиеся к 1937 году, были напечатаны в журнале «Октябрь».

Два года назад дом-музей и издательство «Московский рабочий» начали выпуск первых шести томов. Три тома уже вышли, а четвертый застрял в типографии. Дальнейшая судьба пришвинских дневников неизвестна. Вполне возможно, что основная их часть так и останется опубликованной только в толстых журналах, ведь литература это некоммерческая.

13 января, 1920 г. ...Я живу, и связь моя с жизнью — одно лишь чувство самосохранения: я торговец, повар, дровосек — что угодно, только не писатель, не деятель культуры. Жизнь моя теперь — медведя в берлоге. В медвежьих снах мне видится все существующее общественное положение, как пережитое мной лично, как вывод из личного: мое порождение, и вопрос лишь, я — чье порождение. Порой хочется проснуться и начать, но без толчка извне не проснуться. Все-таки не оставляет надежда, что из себя, «из ничего» засияет «свете тихий». Другой раз даже и порадуешься внешнему разорению — что зато уж засияет-то свое».

ЕКАТЕРИНА ШОРНИКОВА

Москва